

УДК 81.1,81.139

Н. Д. Голев

**ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СОСТАВЕ ПАРАДИГМ,
ОБРАЗУЕМЫХ АНТИНОМИЯМИ «ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ – ГЕНЕТИЧЕ-
СКОЕ», «ВНЕШНЕЕ – ВНУТРЕННЕЕ», «ОТРАЖАТЕЛЬНОЕ – УСЛОВНОЕ»²²**

Статья посвящена представлению внутренней формы как универсального принципа, позволяющего естественному языку успешно существовать в пространстве многочисленных антиномий, из которых он состоит. В статье обосновывается мысль о том, что такие категории как «внешнее» и «генетическое» онтологизируются в языковой системе как отражательные сущности, находящиеся в противоречивых отношениях с сущностями, вытекающими из функционирования языка как системы условных знаков (коммуникативного кода). Данное положение иллюстрируется явлениями из области орфографии, морфологии и словообразования русского языка.

Ключевых слова: внутренняя форма языковой единицы, антиномии языка и речи, детерминативные отношения в языке, орфография, морфология, словообразование.

N. D. Golev

**THE INNER FORM OF LINGUAL UNITS IN PARADIGMS FORMED BY
THE ANTI-NOMIES “FUNCTIONAL-GENETIC”, “OUTER-INNER”,
“REFLECTIVE-RELATIVE”**

The article is devoted to presenting the inner form of lexical units as the universal principle which lets a natural language function effectively in the field of numerous antinomies included. It is proved that such categories as “outer” and “genetic” are realized in the linguistic system as reflective nature having contradictory relations with the nature resulting from functioning of the language as the system of relative signs (communication code). This idea is illustrated by the examples from the Russian language spelling, morphology and word-building.

Keywords: inner form of lingual units, antinomies of language and speech, determinative relations in the language, spelling, morphology, word-building.

²² Статья выполнена при поддержке гранта Минобрнауки № 16.740.11.0422 «Обыденная семантика лексики русского языка: теоретическое и лексикографическое исследование».

Обычно понятие «внутренняя форма» в языкознании трактуется в рамках парадигмы «содержание – форма», в настоящей статье она рассматривается в несколько иных парадигмах: «функциональное – генетическое», «внешнее – внутреннее», «отражательное – условное». В рассмотрении этих парадигм мы исходим из базового принципа диалектики, предполагающего раздвоение целого на части и обретение частями относительной самостоятельности друг по отношению к другу. Любой антиномический параметр обнаруживает данную диалектическую тенденцию. В ее понимании категория внутренней формы играет большую роль, поскольку она есть способ цельного существования языка, сотканного из противоречий.

Внутренняя форма языковой единицы любого типа отражает ее генезис из внеязыковых сущностей, а в синхронном плане, когда генетические детерминанты воплощаются (опредмечиваются, застывают) в плане выражения единицы и на первый план выходит соотношение внутриязыковых значимостей, актуализируются оппозиции «гносеологического и коммуникативного», «формы и содержания», «отражательного и условного», «единиц нижестоящего уровня и единиц вышестоящего уровня» и др. Так, например, в процессе генезиса фонетических систем внеязыковые артикуляторно-акустические явления отбираются языком, комбинируются и внутренне системно организуются для осуществления коммуникативной функции и как единицы коммуникации обретают относительную независимость (в другом аспекте – условность) по отношению к внеязыковым коррелятам. Так же содержательные признаки явлений внеязыкового мира, преломленные через языковое сознание носителей языка, адаптируются в его лексико-семантической системе и начинают функционировать в ней, подчиняясь не только

внешним, но и внутренним детерминантам (очевидно, что во многих случаях более точным окажется противительный союз «не столько – сколько»). Подобным образом более общие и универсальные детерминационные отношения в языке генетически восходят к внеязыковой – общей для всех форм материи – детерминации, но, будучи включенными в языковую сферу, обретают **новое качество**. Известно, что все условные системы лишь имитируют своими правилами внешние отношения. Вполне обоснованно Л. Витгенштейн называл игрой все функциональные проявления языка, его использование в речевой деятельности.

По К. Марксу, тело знака поглощается его функциональным бытием. Уже в этом факте обнаруживается общедетерминационный принцип языка: генетическая детерминация, как уже отмечено выше, «застывает» именно в материальной части знака (или – шире – в его онтологическом устройстве), и, таким образом, «тело» знака выступает лишь субстратом его синхронно-функционального существования. При этом «застывшее генетическое» может сохранить или приобрести свою синхронную значимость, но эта значимость будет уже существенно иной, нежели исходное, генетико-детерминационное, значение «первозлемента». Наиболее ярко названные моменты проявляются в генезисе и функционировании внутренней формы слова, ее проявления, по сути, не знают уровневых (и «плановых») границ в языке (ср. анализ в данном аспекте соотношения содержания и внутренней формы русских орфограмм и признака родовой принадлежности русских существительных в работе [8, с. 102–105]). К примеру, при переходе одушевленных существительных в неодушевленные сохраняются формально-грамматические признаки одушевленности (*купить нового «Москвича», изучать кварц как типичного представителя класса минералов* и т. п.), но одушевленность

здесь уже не носит характера номинативного значения отражательного типа, она есть всего лишь внутренняя форма вторичного лексического значения, которая своей значимостью влияет на грамматическое поведение лексемы, употребляемой в этом значении. Точно так же затруднительно сказать *благодаря болезни я был вынужден пропустить занятия*, так как *благодаря* сохраняет исходный смысл.

Важнейшим проявлением оязыковления детерминации со стороны «внешнего» являются междууровневые детерминационные связи. Например, система одного уровня может онтологически формироваться за счет элементов других уровней, но функционировать вне прямой зависимости от них, опираясь на свою собственную систему значимостей. Скажем, морфологическая система стремится сформировать свою систему знаков и отношений, морфологизируя лексические, словообразовательные и синтаксические единицы и отношения, что позволяет ей обслуживать ограниченным числом средств бесконечное число семантико-синтаксических пропозиций, возникающих в речи. Словообразование и морфология «эксплуатируют» единицы одного уровня – морфемного, но в системах словообразовательной морфемики и грамматической морфемики, наряду с моментами общности, гораздо больше глубинных различий, обусловленных их разной функциональной направленностью. Разная судьба в этих системах и у межзнаковых детерминационных отношений в плане их содержания: в словообразовании лексические отношения трансформировались в отношении словообразовательной мотивации под воздействием специфических единиц лексико-деривационной системы – словообразовательных типов (в динамическом аспекте – моделей), в которых детерминационность свернулась до взаимоотношений компонентов словообразовательного значения; в последнем отражается стремление

к обобщению содержательных отношений мотивирующего и мотивированного слов²³.

В очерченном ключе мы предлагаем трактовать внутреннюю форму единиц всех языковых уровней и функциональных сфер языка. Так, в сфере орфографии реализация орфограммы представляет собой сложный тип письменной (графической) деятельности. Осложнение заключается в необходимости выбора знака-буквы. И такая внутренняя форма, как «образ звука» или «образ фонемы», ограничено функциональна в силу расплывчатости звука в условиях слабой позиции и абстрактности фонемы. Это свойство препятствует возможности опираться в обыденном письме на ее образ – категорию конкретно-чувственного типа отражения. Именно поэтому алгоритмы орфографической деятельности, ориентирующиеся на теорию фонем, как правило, рациональны. Они предполагают рефлексии по поводу «слабых позиций», нахождение сильных позиций и т. п. Если ставить задачу интуитивно-чувственного владения механизмом грамотного письма, то естественно обращение к другим алгоритмам орфографической деятельности и другим типам ее внутренней формы. И по этой причине

²³ Для морфологии мотивационные (деривационные, цепочечные) отношения, которые основаны на принципе зависимости, маркируемом, как правило, на шкале простоты-сложности формально-семантической структуры, скорее, периферийны (форма *пишешь* не образуется от формы *пишу* или *писать*), здесь главенствует иной принцип организации парадигм – радиальный, при котором все формы в равной мере восходят к основе. Разумеется, за разной парадигматической организацией двух систем стоят более глубокие, функциональные, сущности, из которых вытекает различие таких их свойств, которые обнаруживаются на шкалах обязательности, регулярности, стандартности, наличия/отсутствия реакции на особенности лексического значения мотиватора и др.

(в частности) мы полагаем, что «контрапунктом» орфографии в рассматриваемом смысле является не слабая позиция фонемы, а более определенная для языкового сознания единица – морфема (образ морфемы, по А. Н. Гвоздеву [7]). В рамках детерминационно-антиномического описания орфографической деятельности данный механизм можно определить как преодоление абсолюта отражательности в орфографии, который олицетворяют требования фонемно-графического плана; в последний по этой причине естественным образом вносятся элементы условности (в некотором роде даже иероглифичности), которые представляют графические образы морфемы. А. Н. Гвоздев справедливо отметил, что фонематический принцип «увязывает написание с произношением» строгая фиксация произношения не есть цель орфографии; морфематический принцип более условен по отношению к произносимому. К тому же, в практическом плане следование произношению и соответственно реализация фонематического алгоритма «представляет сложную операцию» [7]).

Понятие «цель» здесь кажется ключевым: особая коммуникативно-прагматическая направленность орфографической системы делает ее относительно независимой от любого уровня и вносит элементы условности в каждую орфограмму в ее экстенсивном и интенсивном планах. Более того, практическое письмо, скорее всего, стремится отвлечься от тонкостей позиционного варьирования фонем – это слишком ненадежная отправная точка для обыденного письма. Орфография существует не для точной передачи фонемного состава слова. И в этом смысле можно говорить и о возможности относительной нейтрализации противопоставления двух обсуждаемых здесь принципов орфографии.

Предлагаемая интерпретация языковой детерминации правописания в качестве его внутренней формы как фундаментальной лингвистической категории находит параллели

ли в разных сферах языка, в чем проявляется ее общедетерминистский смысл.

Например, многие выделенные нами детерминационные признаки орфографии обнаруживаются в категории рода русских имен существительных (равно как и в способах ее интерпретации в лингвистике). Признак родовой принадлежности русских существительных не может быть интерпретирован как отражательный, он по существу условен: его определяют согласовательные возможности существительного, которые в конечном итоге обуславливаются их практическим знанием, вытекающим из чувственной фиксации того, что «все так говорят»: *путь долгий, знамя алое, флаг алый, сапа тихая, особа царствующая* и т. п. Роль теоретического знания, связывающего род существительного с языковыми детерминантами, здесь весьма относительна; это открытый вопрос, предмет специальных исследований деятельности типа.

Стремление вывести признак родовой принадлежности из языковых детерминант, заключенных в других системах (планах) языка (слова), уводит содержание классово-отношенности существительных по роду в иную плоскость – сферу механизма (генетического по сути), регулирующего распределение существительных по родовым классам, и в сферу способов практического определения этих классов, то есть в область их внутренней формы. В последнем случае практическое знание неизбежно подчиняется метаязыковым знаниям, всегда присутствующим при оперировании генетическими элементами языка. Мы имеем в виду достаточно известные концепции «выведения» сущности родového признака русских существительных и отождествление этого признака с сугубо формальным содержанием, выведения рода одушевленных (особенно несклоняемых) существительных из номинативного содержания – признака половой принадлежности существа, обозначаемого существительным.

Но эти детерминанты не являются обязательными, всеобъемлющими, инвариантными, каковыми должны быть системообразующие признаки грамматической системы. Они лишь создают внешнюю «кажимость» тождества явления с сущностью (содержанием), таковыми в полной мере не являясь. «Вся суть языка, так сказать, в «отводе глаз»: с него самого на указываемое им. Мимо этой хитрости языка исследователи, ищущие в нем внутреннюю суть, добросовестно проходят» [4, с. 65]. Сущностное (=коммуникативное) значение рода – синтаксическое. Данная категория в принципе обусловлена идеей согласования. С ее утратой признак рода становится нерелевантным, как у числительных, отсубстантивных наречий и т. п. И эта сущность формируется как функциональная значимость, относительно условная по отношению к языковым детерминантам и доступная практическому знанию языка (не владеющему русским языком она недоступна – они тяготеют к алгоритму выведения рода существительного из языковых подсистем, смежных с категорией рода). Так же и в орфографии: проверочный алгоритм базируется в конечном итоге на практическом знании проверочных слов и словоформ как данного (а не выводимого).

В то же время так или иначе родовая парадигма «притягивается» к внешним по отношению к ней детерминантам, образуя с ними противоречивые единства, аналогичные тому единству, которое было выделено нами в орфографической сфере. Такое единство не органическое, а функциональное. Единство внешнего и внутреннего здесь – не собственно система, а системоподобный комплекс типа «человек – машина», «человек – природа», «язык – сознание» и т. п.

Иными словами, при моделировании грамматической категории рода, как и при моделировании орфографической системы, нередко возникает одна и та же детерминистская ошибка: вопросам «почему данное

существительное или данный тип существительного имеет тот, а не иной род», «почему данное слово или тип слов пишется так, а не иначе» придается самодостаточный характер. Они не увязываются с более общими вопросами: «зачем вообще нужен род существительным?», «зачем носителям языка нужны орфографические нормы и правила вообще?», от которых они, в сущности, зависят полностью. На фоне этих вопросов вскрывается отсутствие непосредственной связи более общего содержания с непосредственным (отражательным) содержанием, предполагаемым конкретными вопросами и условность второго по отношению к первому. Их соотношение не столь просто: данные планы одновременно предполагают и не предполагают друг друга, выводятся и не выводятся друг из друга. У каждого из них свои детерминанты, поэтому – подчеркнем еще раз – их единство функциональное (специально коммуникативное), а не органическое. Отражательное в родовом признаке слова составляет не собственно содержание данного признака, а значимость его внутренней формы.

Подобную лингводетерминистскую картину можно увидеть и в природе типов спряжения, и в содержании словообразовательных типов, и в соотношении признаков, составляющих понятие частей речи, или направления словообразовательной мотивации. В мотивации, например, соединяется несколько разноприродных факторов: с одной стороны, онтологическое соотношение слов по форме и смыслу и, с другой стороны, функциональное соотношение мотивирующего и мотивированного слов, восходящее к их частотности (отсюда *нитка – нить, гуманитарный – гуманитар, ранний – рань, няня – нянь*) и т. п.). Последний фактор в принципе независим от первых, он способен «действовать» вопреки им, что говорит о его большей силе, но его независимость относительна, он связан с первыми факторами отношениями вероятностно-статистической

связи. Без учета такого рода отношений механическое соединение онтологической и функциональной сторон в одном понятии (= одном алгоритме) может оказаться в той или иной степени эклектическим.

Что касается внутренней формы слова, то ее роль связующего звена между формой и содержанием, планами непосредственного и условного, отражательного и коммуникативного в слове и соответственно неоднозначных диалектических отношений с каждым из членов перечисленных антиномий – предмет философии, семиотики, лингвистики, имеющих большую историю (из работ недавнего времени назовем: [3; 5; 6; 11–18; 20; 21; 24; 26–28; 32–34]). Но общие принципы лингвистического подхода, предложенные выше, действительны и при ее интерпретации.

Изначально ясно, что создание целостной лингвистической картины языка не может быть легким. И не только потому, что эта картина исключительно широкая и панорамная, но и потому, что внутренне она неизбежно несет в себе потенции противоречия. Вполне закономерно, что при описании сложной природы языкового знака, системы языка в целом лингвисты все чаще прибегают к принципу дополненности, который как раз предполагает, что способы описания разных сторон одного сложного явления могут находиться в отношениях взаимоисключения (как, например, отражательные свойства знака и его внутрисистемные значимости).

В этом смысле принцип дополненности необходимо становится центральным методологическим понятием лингвистической детерминистики, «призываемой» им к учету возможности построения разных теоретических моделей, за которыми стоят разные онтологические модели, например, модель языка, «представленная» говорящим и слушающим. Это обязывает «детермиологов» искать объяснительные модели синтетического типа, в которых противоречивость разных «одно-

сторонних» моделей могла бы быть снятой. Такие онтологические механизмы существуют, по-видимому, в каждой языковой антиномии, они специфически проявляются на разных уровнях языка. В одних случаях такие механизмы предстают как некие функциональные принципы (слияние и образование новых качеств, баланс противодействующих сил, факультативная поочередная нейтрализация), в других – формируются особые промежуточные механизмы (системы) со своими единицами и правилами действия (если это так, то это еще одно обоснование относительной самостоятельности детерминационного среза языка, дающее возможность утверждать наличие у него функции баланса разнонаправленных детерминант).

Внутренняя форма языковых единиц разных уровней является одной из таких промежуточных единиц (систем), обеспечивающих функциональное единство формы и содержания, материальной и смысловой сторон языковых единиц. Основной принцип осуществления внутренней формой синтезирующей функции – совмещение в ее сущности свойств обоих планов знака (не случайно идут споры – форма она или все-таки значение?); в этом смысле она «двуприродна» [10, с. 8–17]. Разноприродные стороны в результате реализации через внутреннюю форму своего предназначения становятся относительно целостным феноменом, устройство которого приближается (стремится!) к статусу органического единства, преодолевающему статус функционального единства (системоподобного комплекса типа «человек – машина», «человек – природа», «человек – язык», «язык – сознание», «слово – понятие» и т. п.).

Подобным образом можно говорить о промежуточных образованиях, имеющих симбиотическую природу, например: – «языковое сознание» или «речевое мышление» как мышление, предназначенное

для осуществления коммуникативной функции и приспособленное к ней онтологически;

– «генетическая память», которая предстает как своеобразный промежуточный феномен, не позволяющий далеко разойтись синхронии и диахронии;

– «подразумеваемый автор» – образ, объединяющий реального автора и повествователя в сознании читателя, в котором собственно и функционирует художественное произведение;

– «лирический герой» – функциональное единство персонажа (автора, повествователя) как реальности и персонажа как следствия художественного вымысла;

– «ономасилогические категории» М. Докулила, позволяющие перевести мыслительные концепты в языковые (словообразовательные) и т. п. Функционирование всех таких «двуприродных» феноменов – бесконечная череда сближений и расхождений, нейтрализации различий и их актуализации, понимание условности единства и доверие к его непосредственно-отражательной стороне (см. о последнем: [1, с. 11–20; 31, с. 13–14]).

Создание детерминистской модели языка, стремящейся к полноте и системности, исключительно актуально для современной лингвистики, решительно выходящей сейчас в своих детерминационных цепочках далеко за пределы языка и отыскивающей там изначальные звенья его обусловленности. С каждым новым звеном язык погружается во все более крупные объекты и как бы растворяется в них; сосредоточение на изначальных (с точки зрения лингвоцентризма – опосредованных) звеньях делает детерминистские описания как бы все менее лингвистическими и все более философскими, психологическими, литературоведческими и т. п. Было бы неверным недооценивать такие выходы лингвистической детерминистики за границы языка, в них есть, без сомнения, своя историко-лингвистическая логика (может быть, мы имеем дело с неким воз-

вращением к тем истокам, когда лингвистика существовала в лоне философии и логики), но нельзя не обратить внимания и на некую **односторонность** возникающей детерминистской картины, в чем видится нарушение баланса детерминант. В этом смысле разработка лингводетерминистского аспекта позволяет рассчитывать на восстановление целостной картины языка (или – точнее – сохранения лингвоцентризма такой картины).

Такого рода редукционизм аспектов изучения языка тесно связан с активизацией в последнее время антропологистики в разных ее видах и разновидностях; в результате сейчас создается представление о том, что «антропос» – едва ли не единственный или, по крайней мере, решающий фактор языкового существования [9]. Этот образ особенно актуализируется на фоне отсутствия в последнее время серьезного противовеса по отношению к антропоцентрической модели языка со стороны той модели, которая представляет его в виде языкоречевой материи, несущей в самой себе потенции своей активности и – соответственно – в виде самодетерминирующей и саморазвивающейся системы²⁴.

Естественно, что ни антроподетерминистская, ни имманентно-детерминистская модели языка реально не действуют друг без друга, без воздействия одной на другую, и, следовательно, полная детерминистская картина языка предполагает, во-первых, их

²⁴ Большой интерес в этом смысле вызывает посмертно опубликованная статья А. Ф. Лосева «О применении в языкознании современных общенаучных понятий» [19], в которой рассматривается возможность описания языка с использованием таких понятий, как «заряд», «заряженность», «валентность», «квант», «алгоритм», «программа»; в свете этой статьи особенно заметно, что энергетическая концепция языка имеет огромный объяснительный потенциал, который не получает значительного развития. В русле данной концепции имеются лишь единичные работы (см., например: [21; 25; 29]).

представление как равноправных и равно-весных членов антиномии и, во-вторых, поиски механизмов взаимодействия, снимающих идею их взаимоисключения. Мы полагаем, что в качестве таких промежуточных («дву-природных») механизмов в данной картине могут стать, с одной стороны, зафиксиро-ванные в языковом сознании человека пред-ставления о языке как самодействующем ме-ханизме (для носителя языка, действующего в режиме «сказал, как сказалось»), естествен-но видеть в языке именно такой механизм и естественно передавать языку свойство им-манентной субъектности); с другой стороны, имманентная модель может быть обогащена (по принципу дополнительности) представ-лением о творческом потенциале языка, не позволяет ему замыкаться и застывать в ав-томатическом и спонтанном режиме «ска-зал, как сказалось», что побуждает искать источники креативных способностей язы-ка во внешних для него сферах. Ср. в этом плане тезис, объясняющий природу возник-

новения нового в материи вообще: «возник-новение – изначальная данность, внутренне присущая материи творческая способность, которая должна быть принята как фунда-ментальный общий факт, не выводимый да-лее из каких-либо более широких свойств материи» [23, с. 35].

Для объяснения творческого потенциа-ла языко-речевой материи, по-видимому, нет необходимости применять принцип изна-чальности для объяснения ее способности к творчеству: она есть (ко всему прочему!) частное проявление творческого характера деятельности человека как субъекта, преодо-левающего энтропические тенденции своего природного бытия во всех видах деятель-ности, в том числе коммуникативной. Такой характер естественным образом проециру-ется и на языко-речевую деятельность, где обнаруживает себя во многих фактах, в част-ности, в фундаментальных алгоритмах рече-мыслительной деятельности, включающих в себя компонент «новое».

Литература

1. Аветян Э. Г. Мера знаковости языка // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калинин-град, 1976.
2. Бабаева Е. В. Внутренняя форма слова и концептологический подход к языку // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград; Саратов, 1998. – С. 126–134.
3. Биbihин В. В поисках сути слова: внутренняя форма у А. А. Потебни // Новое лит. обозрение. – 1996. – № 14. – С. 23–34.
4. Биbihин В. А. Принцип внутренней формы и редукционизм в семантических исследованиях // Языковая практика и теория языка. – Вып. 2. – М., 1978.
5. Богачева Г. Ф. Внутренняя форма слова в лексикографическом рассмотрении // Русский язык за ру-бежом. – 2009. – № 4. – С. 68–74.
6. Вовк Е. Б. О межъязыковой вариативности внутренней формы слова // Русский язык за рубежом. – 1986. – № 4. – С. 70–73.
7. Гвоздев А. Н. Об основах правописания: в защиту морфологического принципа русского правопи-сания. – М., 1960.
8. Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. – Барнаул, 1998.
9. Голев Н. Д. Антропологическая и собственно лингвистическая детерминанты речезыковой динамики // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. – Екатеринбург, 1995.
10. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск, 1989.

11. Денн М. Творчество Н. Лескова с позиции концепции внутренней формы слова Г. Шпета и А. Потебни // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2009. – № 2(4). – С. 10.
12. Завьялов Н. Развитие понятия «внутренняя форма слова» Г. Г. Шпета в когнитивных науках // Вопросы психологии. – 2009. – № 6. – С. 97–102.
13. Завьяло Н. Развитие понятия «внутренняя форма слова» в когнитивных науках. – Ч. 1 // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2009. – № 1(3). – С. 6.
14. Зубкова Л. Г. Единство внутреннего и внешнего в звуковой форме слова // Науч. докл. высш. шк.: Филол. науки. – 1988. – № 5. – С. 55–62.
15. Камчатнов А. М. А. А. Потебня и А. Ф. Лосев о внутренней форме слова // Рус. филол. вестн. – 1998. – № 1/2.
16. Карманова З. Я. Феноменология внутренней формы слова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2008. – № 5(19). – С. 15–26.
17. Карманова З. Я. О содержании внутренней формы слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2008. – Т. 1, № 11. – С. 49–61.
18. Комина Е. В. Мотивация как лингвистическое явление // Семантика и структура слова. – Калинин, 1984. – С. 59–65.
19. Лосев А. Ф. О применении в языкознании современных научных понятий // Res filologica. – М., 1990.
20. Мечковская Н. Б. Национально-культурные особенности внутренней формы слова // Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2000.
21. Митяева А. П., Фурман Н. Г. Экспериментальное исследование закономерностей восприятия лексического значения языковых номинаций с прозрачной внутренней формой слова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – Т. 2, № 1. – С. 141–148.
22. Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. – Пермь, 1984.
23. Орлов В. В. О логике соотношения высших и низших ступеней развития материи (концепция «уровней») // Философия пограничных проблем. – Пермь, 1968.
24. Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке. – Барнаул, 1986.
25. Рамишвили Г. В. Вопросы энергетической теории языка // Вопросы философии. – 1978. – № 11.
26. Рахматуллина А. Ф. Понятие внутренней формы слова в современном языкознании // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13, № 4. – С. 1004–1008.
27. Резанова З. И. Внутренняя форма слова как объект метаязыковой рефлексии в условиях чат-коммуникации // Язык и культура. – 2008. – № 1. – С. 78–85.
28. Сагитова А. Ф. Внутренняя форма слова как результат когнитивно-оценочной деятельности человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Башкирский государственный университет. – Уфа, 2008.
29. Таранец В. Г. Энергетическая теория речи. – Киев; Одесса, 1981.
30. Фурашова Н. В. О роли внутренней формы слова в дальнейшем развитии его значений // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. – С. 116–123.
31. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика. – М., 1996.
32. Янценецкая М. Н. Внутренняя форма слова и ее функции в системе языка // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. – Томск, 1991. – С. 62–69.
33. Borsche T. Die innere Form der Sprache. Betrachtungen zu einem Mythos der Humboldt-Herme(neu)tik // Wilhelm von Humboldts Sprachdenken. – Essen, 1989. – S. 47–65. – Bibliogr.: s. 64–65.
34. Trauth G. P. Towards an analysis of Humboldt's «inner language form» // The semiotic bridge. – Berlin; New York, 1989. – P. 409–419. – Bibliogr.: p. 417–419.